

Ната Иванова
Другая жизнь

Ната Иванова

Другая жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25095683

ISBN 9785448546785

Аннотация

Два года. Много это или мало? Для кого как. Главному герою, шестнадцатилетнему Егору Степанову, показалось, что он прожил целую жизнь. Старательно скрывая от окружающих свою беду, он разрывался между школой, братом, сестрой и работой матери, каждый раз веря ее обещаниям после очередного похмелья записаться к наркологу. В ожидании другой жизни он чуть не отказался от своих интересов во имя родного, но пьющего человека.

Содержание

Часть 1. Кукушата

8

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Другая жизнь

Ната Иванова

Иллюстратор Ната Иванова

© Ната Иванова, 2017

© Ната Иванова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4678-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Морозный воздух, просачиваясь сквозь тонкую ткань синтепоновой куртки, расплзался по всему телу. Егор переступил с ноги на ногу, пытаясь хоть как-то размять замерзшие пальцы ног. Вот и закончились зимние каникулы, завтра опять в школу. Начнется самая длинная и нудная четверть. Эх, скорей бы весна, потом – прощай девятый класс...

– Молодой человек! Вы там уснули?! – неприятный женский голос больно резанул по ушам. – Мне одну селедку и полкило мойвы.

– Извините, сейчас, – Егор торопливо снял закаменевшие от мороза и соли перчатки и выудил из бочки большую жирную селедку.

– Ой, ну эта совсем огромная. Мне чуть поменьше, сред-

ненькую.

Рыба полетела обратно в бочку. Егор терпеливо обслуживал покупательницу, поочередно доставая из киселеобразного рассола подходящую селедку. Руки совсем заоченели, больно пощипывая у самых кончиков пальцев. Наконец-то женщина ушла.

– Егорушка, чаю налить? – сердобольно предложила тетя Таня за соседним прилавком с квашеной капустой. – Ты матери скажи, чтоб фуфайчонку тебе прикупила, а то в этой поддегайке воспаление легких ненароком подхватишь.

– Спасибо, тетя Тань, не надо. Завтра мама сама выйдет, мне в школу.

– То ли выйдет, то ли нет, – многозначительно пробормотала соседка, повернувшись к продавщице за прилавком с другой стороны, – совсем мальчонку загубит.

Разговор продолжать не хотелось, и Егор промолчал. У него сейчас было одно желание, поскорее бы сдать сумку и добраться до дома. До четырех оставался всего лишь один час, но на морозе он казался нескончаемой вечностью. Егор снова поежился, потирая пропахшей рыбой рукой застывший нос. Низко повисшие над рынком свинцовые тучи, как назло, стали кидаться ледяной ватой. Повалил густой снег. И без того слабая торговля совсем прекратилась, рынок засобирался домой.

В трамвае было не многолюдно, но садиться Егор не стал. Стоя на нижней ступеньке, он прижимался спиной к двери.

От тепла его разморило, и он то и дело вскидывал голову, которая все время непослушно опускалась вниз, погружая юношу в кратковременный сон.

– Парнишка, отойди от двери! Не дай бог, вывалишься, отвечай потом за тебя, – зычный голос кондукторши окончательно разбудил Егора.

Ухватившись за поручень, он поднялся по ступенькам в салон.

– Степанов! Вот так встреча! – у окна на одиночном сиденье сидела Алена Васильева из прошлой школы. – А я смотрю, ты или не ты?

– Здравствуй, – растерянно поздоровался Егор.

Девушка внимательно посмотрела на бывшего одноклассника, и Егор впервые застеснялся своего вида. В выцветших джинсах и потрепанных кроссовках, в старенькой куртёнке, он казался себе бомжем, насквозь пропахшим селедкой. Но Аленка была искренне рада их встрече и, казалось, совсем не обращает внимания на его внешний вид.

– Егор, сколько же мы не виделись? Вы так внезапно переехали, по середине учебного года... Анна Петровна до сих пор тебя вспоминает.

Егор промолчал.

– Вроде в одном городе живем, а ты пропал и все. Ты, в какой школе-то сейчас?

– Да не важно, Алён, – и хотя сердце Егора радостно колотилось от неожиданной встречи, ему все же не хотелось

сейчас вдаваться в подробности своей жизни.

– Егор! Как это не важно?! Мы с тобой не виделись больше двух лет, а ты тут стоишь и выделываешься, как не родной. Как-то резко ты так потерялся, не звонишь, твой номер не отвечает.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка – «Обувная фабрика».

– Извини, Ален, мне выходить. Привет всем нашим, – юноша повернулся к двери.

– Егор, с Днем рождения, – почти прошептала Аленка.

Егор затылком почувствовал на себе пристальный взгляд одноклассницы. «Помнит!» – вертелось у него в голове и от этого сердце еще сильнее забилося.

– Спасибо, – обернулся он, и уже в дверях крикнул, – в сорок восьмой.

Егор смотрел на отъезжающий трамвай, увозивший частичку его недалекого прошлого, и воспоминания бурным потоком хлынули из самых потаенных уголков его сознания.

Часть 1. Кукушата

Родители Егора не успели насладиться семейным счастьем. Мать – студентка педучилища, отец – детдомовец, после ПТУ в июне ушел в армию. Он так и не узнал, что у него родился сын, в январе девяносто пятого пропал без вести в Грозном. Ни живой, ни мертвый. Так о нем рассказывала мама, потом и вовсе перестала. Шестнадцать лет прошло, когда ей сообщили об этом, десятого января. В тот день и родился Егор.

От отца ему осталось имя и фотография с присяги. От матери – бабушка Лида и ночные рыдания возле кровати. Вдова в девятнадцать лет, да еще мать одиночка, не каждый такое выдержит. Но Ирина держалась. Хотя порой хотелось убежать на край света и забыть обо всем. О бессонных ночах. О перебоях с молоком на молочной кухне. О детском пособии, на которое выдавали только перловку и сою вместо тушенки. О безумно растущих каждый день ценах. Но жизнь идет своим чередом. Прошло и это...

В ясли Егора отдали рано, он еще и говорить толком не научился. Бабушка похлопотала, она воспитателем в этом саду работала. Мальчишка рос без проблем. Мало плакал, мало болел, как будто понимал, что нельзя болеть, иначе кому-то пришлось бы на больничный идти по уходу. Матери нельзя,

академический¹ кончился, к экзаменам готовиться надо. Бабушке тоже нельзя, работать в саду некому. Зарплата у воспитателя не ахти какая, но она всю семью кормила. Потом Ирина подработку нашла, промоутером². Зубную пасту рекламировала. В то время новая профессия быстро в моду вошла, за выходные неплохо заработать можно было. Зато Егор маму теперь и по выходным не видел, она уходила утром, когда он еще спал, а приходила почти ночью, когда уже спал.

За пять лет учителем Ирина работать так и не стала, в рекламе осталась, там платили больше. Но и дома почти не бывала. А вскоре она вышла замуж. Дядя Валера был не плохим отчимом, но все же ему удобней было, когда мальчик оставался у бабушки. А это случалось все чаще и чаще. Потом родился Никитка, Егор как раз в первый класс пошел. В школу его провожала бабушка Лида. Он даже вида не показал, как ему хочется, чтобы в этот день рядом была мама, как у других детей. По взрослому понимал, малышу она нужнее сейчас.

Учился Егор охотно. Читал не хуже других, писал, считал. В общем, как любой первоклашка, с интересом шагнувший в огромный мир знаний. А еще ему безумно нравилось

¹ Академический отпуск – отпуск, предоставляемый студенту высшего или среднего профессионального учебного заведения по медицинским показаниям и в других исключительных случаях (стихийные бедствия, семейные обстоятельства).

² Промоутер (реклама) – частное лицо или группа лиц, занимающаяся целенаправленной рекламой товара.

рисовать. Рисовал все подряд. Кошек, собак, птиц во дворе. Но больше всего он рисовал маму. В блокноте каждый рисунок подписывал печатными буквами: «Мама спит», «Мама идет на работу», «Мы с мамой гуляем в парке». Для семилетнего мальчугана выходило даже очень неплохо. Тогда-то и заметила его Анна Петровна.

– Лидия Григорьевна, у мальчика ведь талант. Ему непременно в художественную школу надо, – постоянно на родительском собрании твердила она бабушке.

Но в художку его так и не отдали. Егор в третий класс пошел, когда мама с Никиткой насовсем переехали к бабушке. С дядей Валерой характерами не сошлись. Егор не очень понимал, когда ему об этом рассказывали. Внимательно слушал и даже вид делал, что переживает за двухлетнего брата, который тоже будет расти без папы. Но в глубине души Егор радовался, что мама теперь будет рядом с ним, и еще Никитка, которого он любил всей своей девятилетней братской любовью.

Мама пошла на работу. Опять пропадала с утра до ночи. Начались частые

командировки. Теперь она была уже супервайзером³. Егор терпеть не мог это иностранное слово, как будто оно было виновато в том, что мама надолго уезжает из дома.

³ Супервайзер – административная должность в различных отраслях бизнеса, государственных учреждениях, а также в научных и образовательных институтах.

Бабушка Лида воспитывала внуков, а мама зарабатывала деньги, чтобы ее дети ни в чем не нуждались. Она всегда так оправдывала свое отсутствие. Но Егор все равно нуждался. Он нуждался в ней самой, в ее ласке, заботе. Он часто вспоминал, те редкие мамины выходные дни, когда был маленьким, и они, лежа в кровати, щекотались и дурачились, заливаясь от смеха. Тогда он чувствовал себя самым счастливым на свете.

Две тысячи пятый год Егор встретил без мамы. Он ждал ее весь день и всю ночь, в надежде на то, что сейчас откроется дверь, и Дед Мороз, пахнущий мамиными духами, будет спрашивать бабушку, хорошо ли вели себя дети. Но чуда не произошло, дверь не открылась. Никита давно уже спал с бабой Лидой в кровати, а Егор упрямо сидел за столом и смотрел на новогоднюю догорающую свечу, зажженную специально для мамы.

Она приехала десятого, утром. Егор сквозь сон почувствовал мамино дыхание – нежное, теплое, родное.

– С днем рожденья, сынок, – прошептала она и поцеловала его в щеку.

– Мамочка! Я так ждал тебя, – Егор обхватил руками мамину шею и прижался всем телом к ее груди.

– Ну-ка, где твои уши, юбиляр? – мама повалила его на кровать и принялась щекотать.

Проснулся Никитка, и они втроем еще долго возились и кувыркались в постели. Егор светился от счастья. Они

опять были все вместе. Он, мама, Никитка и бабушка – целый день. Лучшего подарка в последний день каникул Егор ожидать не мог. А еще вечером мама подарила Егору компьютер. Настоящий, с мышкой, клавиатурой и блестящим плоским монитором. Полкласса даже и мечтать о таком не могли.

– Разберешься сам? Ты же вон какой у меня сообразительный, – Ирина улыbnулась лишь уголками губ.

Неприятный холодок близкого расставания подозрительно окутал Егора.

– Разберусь, мам. Ты только не уезжай, – с тревогой в голосе попросил он.

Ирина промолчала и крепче прижала к себе сына.

Рано утром, еще не было и пяти, мальчишки проснулись от шума в прихожей. Бабушка Лида о чем-то спорила с дочерью. Егор прикрыл одеялом голые ноги брата и выбежал в коридор. Мама стояла возле двери одетая в пальто.

– Мам, ты куда? Рано еще. Мне в школу к восьми. Ты же со мной хотела?

– Егорушка, самолет у меня. На работу вызывают. Такси ждет.

– А я?

– А тебе я звонить буду, – она протянула Егору новенькую Моторолу. – Каждый день буду. Я тут свой номер забила. И ты мне звони.

Ирина поцеловала сына. Егор беззвучно заплакал. Он изо

всех сил сдерживал рвущиеся наружу рыдания, но слезы предательски катились из его карих глаз. Больше он не пророчил ни слова. Из спальни заревел и Никита. Бабушка вытерла рукавом глаза и с укором посмотрела на дочь.

– Всех денег не заработаешь. О детях подумай.

– Не начинай, мама. Я о них только и думаю.

Хлопнула дверь. Егор молча смотрел в окно на отъезжающее такси и крепко сжимал трубку мобильного телефона. В школу он в этот день не пошел. Впервые он вместо мамы нарисовал портрет бабушки.

Мама приехала в конце марта, в школах каникулы начались. Во дворе мальчишки в мячик гоняли, а Егор, вооружившись ватой на спичке, мазал зеленкой брата. Бабушка на работе в две смены Никиткину ветрянку отработывала, пока внук на каникулах. Дети встретили маму по-разному. Как всегда с кучей подарков и горой шоколадок, она позвонила в дверь. Никитка завизжал от восторга, увидев в дверном проеме большую пожарную машину, и кинулся в объятия матери. Егор тоже позволил себя обнять, но такой бурной радости как раньше не показал.

– Ты голодная? Я могу пельмени сварить, – совсем по взрослому предложил он.

– Не надо, сынок. Как вы тут?

– Нормально. Только Никитка приболел, но врач сказала ничего страшного, ветрянкой все болеют. Мам, а я ветрянкой болел?

– Вроде болел... Надо бабушку спросить, – растерялась Ирина.

– Понятно. Ты надолго?

Ирина растерялась еще больше. Такого приема от сына она никак не ждала. Она подошла к Егору и внимательно посмотрела ему в глаза.

– Ты не обижайся, сынок. Работа такая. Сейчас никак бросить нельзя, проект очень важный.

– А нас можно?

– Что можно?

– Нас бросить можно?

Ирина во все глаза смотрела на рано повзрослевшего сына и не смогла сдержать подступившие слезы.

– Сыночек, прости, – сидя на полу сквозь рыдания твердила она.

Егор испуганно гладил маму по голове, пытаясь оправдаться, за то, что нечаянно обидел ее:

– Соседки возле подъезда шептались, думали, что не слышу. Я звонил тебе, звонил, а ты не отвечала. Вот я и подумал, может, правду сказали?

– Егорушка, не слушай ты никого. Роднее вас у меня никого нет на свете. Я вас очень люблю и тоже скучаю. Но так вышло, прости. Меня срочно в другой филиал перебросили, он далеко отсюда, зато денежек больше платят, ты же знаешь, они нам нужны.

– Мам, а в нашем городе работать нельзя, как у других ре-

бят? Я тебе помогать буду. Потеплеет – на набережную пойду, рисовать буду. Я к восьмому марта Анну Петровну нарисовал, так этот портрет на районном конкурсе первое место занял. Сказали, что меня большое будущее ждет. И игрушки мне покупать не надо. А Никитке мы вместе заработаем. Ты только не уезжай.

Ирина поверить не могла, что с ней говорит ее десятилетний сын. Она посильнее прижала Егора к себе и поцеловала в макушку.

– Егорушка, потерпи чуть-чуть. Скоро все по-другому будет. Мне еще поработать надо, потом у нас начнется другая жизнь.

А через неделю она уехала.

Первого сентября Егор с гордостью стоял на линейке, ведь рядом с ним была его мама. В конце августа она приехала насовсем. Егор даже не поверил сначала, первые две недели каждое утро бежал в мамину комнату проверять. И лишь убедившись, что мама на месте, со спокойной душой отправлялся в школу. А в ноябре родилась Маринка. Егор был благодарен сестре, которая еще до рождения на целых два месяца вернула маму в семью.

Мама с Маринкой заняли малую спальню, а Никитка переехал в комнату брата. Вечерами они все вместе собирались у бабушки в зале, и рассказывали о прошедшем дне или просто смотрели мультфильмы. Егор дорожил каждым днем, проведенным с матерью вместе. Помогал ей во всем. Вперед

бабушки бежал мыть посуду, купал Никитку, ходил в магазин. Учился изо всех сил, только бы не расстроить маму. Понимал, ей нельзя.

Маринке четыре месяца было, когда мама с бабушкой заговорила о пенсии.

– Мама, пойми, я гораздо больше заработаю, чем ты в своем детском саду. Тебе и так уже по выслуге⁴ давно пора, – Ирина пыталась убедить мать. – Ты не прокормишь всех нас.

– Мы есть не будем, – не зная, о чем идет речь, вмешался в разговор взрослых трехлетний Никита.

Егор увел брата в спальню, где беззаботно посапывала в своей кровати Маринка. Он с

нежностью посмотрел на сестру, и чувство ответственности захлестнуло его. Мальчик решительно вошел к бабушке в комнату:

– Мама права. Пусть на работу идет. Никиту я в сад водить буду и забирать тоже.

– Ну, вот видишь, какой помощник у нас вырос? – Ирина с благодарностью посмотрела на сына.

Бабушка покачала головой:

– Ему не отдадут, несовершеннолетний. Строго сейчас.

– Мамуль, ну Егора с Никитой там и так все знают, договоришься. Я доверенность напишу.

⁴ Льготное назначение пенсии за выслугу лет педагогическим работникам, осуществлявшим педагогическую деятельность независимо от их возраста не менее 25 лет.

– Как легко ты решила проблему, дочь, – бабушка опять покачала головой, – на одиннадцатилетнего мальчишку заботу о сыне перекладываешь? А Егора кто воспитывать будет?

– Не надо бабушка. Я уже вырос. И за Маринкой присмотрю, если тебе уйти надо будет. Кашу я и сам сварить сумею. Ползунки стирать тоже не проблема, машинка сама постирает. Если мама решила, что так правильной будет, пусть едет. Деньги нам скоро понадобятся. На учебники на пятый класс сдавать надо, а то, как в прошлом году все лето сами искать будем.

– А разве в школе не выдают? – Ирина недоуменно смотрела на сына.

– Нет, мама, с первого класса не выдают. Бабушка всегда покупала.

Лидия Григорьевна опять покачала головой и отправилась на кухню готовить обед. На следующий день она написала заявление об уходе.

Мама работала, бабушка каждый месяц носила Маринку в поликлинику на взвешивание, Никита ходил в детский сад. А Егор успевал везде. В садик, школу, магазин, аптеку, потом опять в садик, потом домой. В поликлинике занять очередь или на почте оплатить квартплату для него была не проблема. Только рисовать было некогда, а ему очень хотелось. Каждый раз, проходя мимо «Акварели», он на минутку останавливался возле витрин художественного магазина и рас-

смастривал стоящие за стеклом мольберты. Потом он бежал домой и представлял себе, что когда-нибудь выйдет на берег Волги с этюдником, и будет писать свои картины весь день, как настоящий художник.

Егор шестой класс заканчивал, когда бабушку увезли в больницу. Гипертонический криз⁵. Он сам вызвал скорую, несмотря на сопротивления Лидии Григорьевны.

– Егорушка, матери позвони. Деньги в серванте, в сахарнице. Маринке во вторник к

стоматологу, у Никиты завтра – логопед. Как вы без меня? – бабушка хваталась за голову, от чего давление росло еще выше.

– Ничего, бабушка, справимся. Маме я уже позвонил. Утренним рейсом прилетит. Насчет Маринки с Никиткой не беспокойся, из садика заберу. Одну ночь переживем, ты только поправляйся скорее.

Сирень возле подъезда набрала всю свою силу и благоухала на весь двор. Бабульки на лавочке коротали время до вечернего сериала и делились услышанным за день.

Егор с младшими возвращался из детского сада. Сестренку он вел за руку, а пятилетний Никита то и дело убегал вперед и лишь после окрика брата возвращался назад. Вернувшись в очередной раз, он простодушно спросил:

– Егор, а почему баба Надя меня кукушонком обозвала?

⁵ Гипертонический криз – неотложное тяжелое состояние, вызванное очень сильным повышением артериального давления.

У меня что? Клюв вместо носа?

– Не обращай вниманья, Никита. Ты не убегай, рядом иди, тогда и обзывать никто не будет.

Они вместе дошли до двери своего подъезда.

– Никита, возьми ключи. Идите с Мариной в дом. Я через минуту приду.

Никита довольный доверием старшего брата радостный забежал в подъезд, подождал сестренку и закрыл дверь. Егор подошел к лавочке:

– Надежда Ивановна, вы меня извините, но в вашем возрасте довольно глупо обзывать пятилетнего ребенка.

– Чего? – опешила старушка. – Ты, сопленыш, учить меня будешь?

– Надя, перестань, – попыталась остановить ее соседка, но старушку уже понесло.

– Правду я сказала. Кукушата, они и есть кукушата. Мать не известно где, бабку в гроб скоро загонят. Говорила я Лидке, слишком много Ирке своей позволяла. Вот. Теперь результат.

– Не смейте оскорблять мою маму. Я же не спрашиваю, почему по выходным вместо сына к вам приходит социальный работник.

Старуха стала пунцовой:

– Ты, паршивец, поговори еще! Детдом по вам плачет, ох плачет!

– Не судите сами, да не судимы будете, – произнес Егор

когда-то услышанную фразу и вошел в подъезд.

Старушка долго еще бранилась, перемывая кости всем близким Егора, но он уже этого не слышал. Он кормил ужином брата с сестрой.

Кризис две тысячи восьмого года коснулся и работодателей Ирины. Филиал, где она работала, готовился к переезду. В родном офисе Ирину, как говорится, не ждали. Половина местных работников со дня на день готовились к увольнению. Куда идти? Педагогического стажа ноль, рекламный рынок уже перенасытился. И даже двенадцатилетний опыт работы не помог Ирине сохранить должность. Оставалась только всепринимая торговля, которая распахнула свои объятия и для нее. А пока Ирина завершала рекламную деятельность, и пыталась открыть свое дело, бабушка Лида по утрам пекла пирожки. Егор с вечера начищал полведра картошки, шинковал капусту, и после уроков, повесив на плечо термосумку, обегал близлежащие парикмахерские и бутики. Вырученных денег было не много, но и это – была хоть какая-то прибавка к бабушкиной пенсии.

В школе Егор немного стал отставать, но учителя относились с пониманием, и твердую тройку по химии с географией он в первой четверти заслуженно получил. С Русским языком и литературой тоже потихоньку справился. Читать-то Егору приходилось почти каждый день, то трехлетней Маринке про Муху-Цокотуху, то шестилетнему Никитке про Вени Пуха. А вот геометрия и алгебра Егору давались

легко, и по математике была неоспоримая пятерка. Считал в уме не хуже калькулятора. Еще бы, каждый день приходилось в супермаркетах задачи решать, что выгоднее взять два пакета молока по 0,9 литра за тридцать рублей каждый или один двухлитровый за шестьдесят. И на рынке глаз да глаз за продавцами нужен, каждый обчитать норовит. А еще Егор с легкостью мог посоветовать аптеку, где лекарства дешевле, магазин, в котором скидка на хлеб после семи вечера или в какой день распродажа в «Ценопаде».

На друзей времени не хватало, да и к седьмому классу интересы одноклассников разделились. Кто-то успешно стремился к знаниям, кто-то считал себя достаточно взрослым и махнул рукой на учебу, кого-то перевели в разряд трудных подростков. Егор не причислял себя ни к одной из этих групп. В классе не конфликтовал, но и общаться по-братски с кем-то особо не рвался. Только с Аленкой по-настоящему дружил. Она ему всегда нравилась. Егор тайком рисовал девчачий профиль в тетради и мечтал, что когда-нибудь напишет ее портрет маслом. Заиметь настоящие масляные краски была его давнишняя мечта. Взрослые не догадывались, а сам просить не решался, такие краски стоят не дешево. И иногда в детском саду Егор отводил душу, то стенд в группе Никиты оформит, то зверушек в Маринкиной на шкафчиках нарисует. Воспитателям помощь, а ему только в радость.

В квартире пахло корвалолом и коньяком. Егор раздел Марину и жестом показал Никите, чтобы тот увел сестру

в комнату. Сам пошел на кухню. Бабушка сидела за столом, обхватив голову руками. Мама нервно курила в открытую форточку, а на столе стояла начатая бутылка коньяка. Егор поморщился. Впервые он видел, как мама курила.

– У нас кто-то умер? – спокойно спросил он.

– Хуже, – мама повела плечом и затушила сигарету, потом повернулась к сыну, – мы продаем квартиру, будем переезжать. Всего объяснить не могу, не поймешь.

– Нет, мама, будь добра, объясни. Нас это тоже касается. А я уж пойму как-нибудь, все-таки паспорт через два месяца получаю, если ты не забыла.

– Егор, другого выхода у меня нет. Мне сейчас нужны деньги, большие деньги. Дело мое прогорело, надо кредит возвращать. Еще, Егор, я была в новой школе, после Нового года тебе придется идти туда.

– По середине учебного года? – Егор не мог поверить в услышанное. – Может, я этот класс хотя бы закончу?

– Сынок, мы в Татьянку переезжаем, оттуда до твоей школы три с половиной часа добираться. Никиту с Мариной там тоже в садик берут, ты же знаешь, как с этим сложно сейчас, но заведующая договорилась.

– Когда же ты все успела, мама? – резко спросил Егор, потом повернулся к бабушке. – Ты знала? Знала и молчала? Какие же вы...

Егор быстро накинул куртку и выбежал из квартиры. Он бродил вокруг дома по блеклой пожелтой траве, и мысли его

были такими же серыми и грустными, как и этот поздний ноябрь в ожидании зимы. Почему все так? Нет, он не жаловался, он привык к трудностям. Пугала его неизвестность. Новый дом, новая школа, новый коллектив. Как это будет? Чего ждать? Лишь в одном Егор был уверен, три года назад мама была права. Скоро будет все по-другому, начнется другая жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.